

М. И. ВОЛОВИКОВА

**Представления русских
о нравственном идеале**

**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Маргарита Воловикова

**Представления русских
о нравственном идеале**

«Когито-Центр»

2004

Воловикова М. И.

Представления русских о нравственном идеале /
М. И. Воловикова — «Когито-Центр», 2004

Книга содержит теоретический анализ проблемы социальных представлений, в частности, проблемы представлений о нравственном идеале. На обширных биографических, автобиографических и других материалах, а также опираясь на результаты многолетних эмпирических исследований, автор рассматривает особенности нравственного идеала у русских: социальные представления о праве и нравственном человеке, представления о Родине и о «типично русском» человеке, представления о «настоящем празднике» и др. Для психологов, философов, педагогов и широкой читательской аудитории. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

© Воловикова М. И., 2004

© Когито-Центр, 2004

Содержание

«Реальность идеала...»	6
Вступление. Эстафета культур	7
Глава I	12
Речь Достоевского о Пушкине	13
Преступление и наказание	19
«Исход»	25
Петербургские дневники	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

М. И. Воловикова
Представления русских
о нравственном идеале

© Институт психологии Российской академии наук, 2004

«Реальность идеала...»

Книга М. И. Воловиковой посвящена важным и актуальным для отечественной психологической науки проблемам. Социальные представления о нравственном идеале в российском менталитете здесь рассматриваются как в историческом, так и в эмпирическом аспекте. Под руководством и при участии автора проведены исследования имплицитных концепций нравственности (обыденных представлений о порядочном человеке), изучение представлений о юридическом законе и праве в современной России, представлений о Родине, и многие другие работы, изложению результатов которых посвящена большая часть настоящей книги. Авторской удачей является обращение к позитивному эмоционально-нравственному опыту, накопленному в русской народной культуре. Это исследование современных социальных представлений о «настоящем празднике», а также обширный материал биографического и этнографического характера. Обращение к классическому философскому наследию (к работам А. Ф. Лосева, С. С. Аверинцева, П. А. Флоренского, И. А. Ильина, Е. Н. Трубецкого и др.) делает книгу теоретически глубокой и насыщенной.

Методологически то направление исследований, которое ведется М. И. Воловиковой более двадцати лет, продолжает традиции школы Сергея Леонидовича Рубинштейна. Внимание к процессу становления социальных представлений личности, качественному анализу эмпирического материала, к глубоким теоретическим обобщениям, характерное в целом для рубинштейновского направления, отличает и данное исследование.

Следует специально отметить следующее. Благодаря тому, что внимание автора было сосредоточено на определенных, составляющих содержание работы проблемах, ей удалось выявить те аспекты нравственного сознания, которые претерпели изменения за прошедшие десятилетия. И это является огромной ценностью данной работы.

Хотя в название книги вынесено понятие «идеала», с позиций этого идеала выявляется реальность, ему противоречащая или к нему ведущая.

Написанная живо и просто, книга М. И. Воловиковой может представлять интерес как для психологов, так и для самой широкой читательской аудитории.

Действительный член Российской академии образования, профессор К. А. Абульханова

Вступление. Эстафета культур

В работе «Заметки о русском» Дмитрий Сергеевич Лихачев напоминает о том, что слово «русский» является прилагательным – в отличие от наименований в русском языке других наций. Это означает, по мнению Д. С. Лихачева, что «русский» – больше, чем определенная нация, это свойство принадлежности к русской культуре, характерное для многих народов, живущих в России. Так это сложилось в течение веков становления российской государственности и культуры.

Исследователи отмечают, что исторические корни русских уходят в XI–XIII вв., а начальный этап формирования этноса пришелся на XIV век, когда на обломках растерзанной полчищами Батия Древней Руси стало складываться единое этническое целое¹. Ныне русские являются самым многочисленным этносом в славянском мире.

В ходе расселения образовывались отдельные историко-культурные группы русских, «в каждой из которых при сохранении общих черт материальной и духовной культуры прослеживались свои особенности этнического и культурного свойства»². Основой для идентификации себя как единого народа в течение тысячелетней истории являлась принадлежность к православию. А. В. Буганов отмечает: «В XIX в., как и в предыдущие столетия, русские четко осознавали свою причастность к православной вере. Это проявлялось и в мирное время – общепринятое обращение к собравшимся на сельских сходах было «Православные», и особенно во время войн и вооруженных конфликтов. В эти периоды идентификация по конфессиональному признаку выражалась еще более отчетливо. Конфессионизм ПРАВОСЛАВНЫЕ выполнял функции этнического определителя русских, противники, даже если они были христианского вероисповедания, почитались за НЕХРИСТЕЙ»³.

Это наблюдение, сделанное относительно военного времени, находило свое подтверждение даже во время Великой Отечественной войны. В книге Елены Ржевской «Ближние подступы: записки военного переводчика» есть запись, сделанная под Москвой весной 1942 г.: «Православные! Навались! – крикнул доброхот боец, помогавший толкать застрявшую машину»⁴.

В исторической памяти русских людей сохранились события Балканских войн второй половины XIX века за освобождение болгар – братьев по вере от турецкого господства, когда чувство единства с угнетаемыми славянскими народами объединяло Россию. А когда в конце XIX века разыгралась греко-турецкая война, симпатии крестьян, узнавших о боевых действиях из газет, все время были на стороне греков. «Позиция крестьян говорит об осознании ими единства с греками по конфессиональному признаку...»⁵.

Академик Н. И. Конрад писал: «Каждый народ, большой и малый по своей численности, имеет свою индивидуальную историю, всегда обладающую своими оригинальными, неповторимыми чертами. Можно сказать даже, что история человечества проявляется именно в истории отдельных народов, через всю их историю. История человечества не какой-то безликий процесс: она очень конкретна и складывается из деятельности отдельных народов, имеющих каждый свое собственное лицо. Но в то же время как часто смысл исторических событий, составляющий, казалось бы, принадлежность только истории одного народа, в полной мере открыва-

¹ См. Русские / отв. ред. Александров В. А., Власова И. В., Полищук Н. С. М.: «Наука», 1997, с. 7 и с. 16.

² Там же, с. 8.

³ См. Русские / отв. ред. Александров В. А., Власова И. В., Полищук Н. С. М.: «Наука», 1997, с. 650

⁴ Ржевская Е. Берлин, май 1945. М.: «Правда», 1988, с. 38.

⁵ Русские... с. 652.

ется лишь через общую историю человечества»⁶. История становления русского этноса прочно вплетена в европейскую историю.

Первые княжества на Руси возникли в IX веке, а 1 августа 988 года (по церковному преданию) совершилось крещение Руси. Летописи рассказывают, как посланцы князя Владимира побывали в разных странах, пытаясь постигнуть основания веры других народов. Они принесли князю такой ответ, сохраненный Нестором Летописцем в «Повести временных лет»: «... И пришли мы в греческую землю, и ввели нас туда, где служили они Богу своему, и не знали – на небе или земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как рассказать об этом. Знаем только, что пребывает там Бог с людьми, и службы их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкое, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве».

К XIV–XV вв., когда государственность на Руси окрепла и была одержана победа в борьбе с татаро-монгольским нашествием, юная православная страна стала прибежищем и второй родиной для многих художников, архитекторов, мастеров и ученых из Византии – болгар, сербов, греков. Весной 1453 года Константинополь пал в неравной битве с армией султана Махмуда II. Русское государство стало мировым центром и оплотом православия и оставалось им почти пятьсот лет.

Октябрьская революция 1917 года и последующие десятилетия социалистического строительства одновременно с ослаблением идентификации себя с православным народом привели и к стиранию границ этнической идентификации. Появилась «новая общность людей», основанная на интернациональных принципах.

Странное это было время. С одной стороны, стирание границ между нациями, с другой – ужесточение преследований и репрессий по национальному принципу. Нападение внешнего врага – фашистской Германии заставило даже жестокого правителя СССР вспомнить о национальных героях, память о которых веками формировала лучшие черты народа. Названные в обращении Сталина 3 июля 1941 г. имена – это русские святые Александр Невский и Дмитрий Донской.

В каждом народе образы национальных героев бережно хранятся, передаются от поколения к поколению, служат основой воссоздания национального характера. В прежние времена эти образы жили в песнях, былинах и в сказках. Вплоть до начала прошлого века существовала традиция семейного чтения вслух. Потом появились кино, радио, телевидение и, наконец, всемирная паутина – Интернет. Пришли «герои дня», специализированные для разных возрастных и социальных групп. Кто ныне образует нравственный идеал нации?

С. Л. Рубинштейн так писал о значении идеала в процессе становления личности:

«Идеал может выступать в качестве совокупности норм поведения; иногда это образ, воплощающий наиболее ценные в этом смысле привлекательные человеческие черты, – образ, который служит образцом. <...> Это предвосхищенное воплощение того, чем он может стать. Это лучшие тенденции, которые, воплотившись в образе-образце, становятся стимулом и регулятором его развития. <...> Часто в качестве идеала выступает историческая личность, в которой эти черты особенно ярко воплотились. Наличие определенного идеала вносит четкость и единство в направленность личности. В раннем возрасте идеалом в большей мере служат люди ближайшего окружения – отец, мать, старший брат, кто-нибудь из близких, затем учитель. Позже в качестве идеала, на который подросток, юноша хотел бы походить, выступает историческая личность, очень часто кто-либо из современников. В идеалах человека ярко проявляется его

⁶ Конрад Н. И. Избранные труды. М.: «Наука», 1974, с. 296.

общая направленность. Проявляясь в них, она через них и формируется. Идеалы формируются под определяющим воздействием общественных оценок. Воплощаясь в идеале, через его посредство эти общественные оценки формируют общую направленность личности»⁷.

Владимир Даль показывает глубину понимания слова “идеал”, как она зафиксирована в великорусском⁸ языке середины XIX века: «Идеал — мысленный образец совершенства чего-либо, в каком-либо роде, первообраз, прообраз, началообраз; представитель». И далее, как отдельное значение добавлен «образец-мечта»⁹. Нас в этом исследовании интересует действенный идеал, хотя «мечты» избежать не удастся, особенно когда речь пойдет о представлениях об идеале в молодежной среде.

Гипотеза нашего исследования состоит в предположении о том, что социальные представления о нравственном идеале у наших современников имеют сложную структуру, в центре которой – так называемое ядро, не всегда вполне осознаваемое, но образующее основу этнической идентичности русских людей. На периферии более осознаваемыми и, соответственно, легче выявляемыми оказываются вторичные качества и свойства. Нас интересует, прежде всего, неизменное ядро этих представлений.

Таким образом, речь пойдет о переменных и константных образованиях. Отсюда встает проблема *метода* и *конкретных методик* проведения исследования. Но прежде следует сказать несколько слов об одном из главных понятий для данной работы – о *социальных представлениях* (хотя на протяжении всей книги мы еще не раз будем к нему обращаться).

Это понятие появилось в 60-е годы в работах известного французского психолога С. Московичи и с тех пор оно завоевывает все большее пространство: сначала в западной психологии, а последние десятилетия исследования социальных представлений становятся все более популярными и в России.

Анализируя сходство и различие французской и отечественных школ исследования, К. А. Абульханова отмечает:

«Самое общее определение функции социальных представлений можно было бы сформулировать так: их совокупность обеспечивает личности *степень субъективной определенности восприятия, понимания и воспроизведения социальной действительности и себя в ней*. Функция воспроизведения, т. е. отрыва во времени представления от впечатления, восприятия чего-либо, активного воспроизведения личностью этого впечатления, воздействия объекта, ситуации, другого человека и т. д., обусловлена тем, что социальные представления у личности возникают не только в силу ее непосредственного контакта с действительностью, она черпает их из общественного сознания. Практически большинство традиционно выделявшихся в отечественной психологии форм общественного сознания – религия, идеология, мораль, эстетика и др., – кроме науки, – образованы совокупностью соответствующих религиозных, моральных и других представлений»¹⁰.

⁷ Рубинштейн С. Л. ... Основы общей психологии в 2 т. Т.2. М.: «Педагогика», 1989, с. 119–120.

⁸ Академик О. Н. Трубаев делает вывод о том, что изначальный смысл названия «Великороссия» (равно как и топонима Великобритания) в его изначальной ориентационности, в определении вторичной колонизации и ее отношении к исходной области. Т. е. подобно тому как сначала возникла Бретань, а потом – Великобритания, для Руси Великой – Великороссии, изначальной, коренной была Русь Малая – Малороссия (Трубаев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.: Наука, 2002).

⁹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. Спб.-М.: издание М.О. Вульфа, 1881.

¹⁰ Абульханова К. А. ... Социальное мышление личности. В кн.: Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002, с. 96–97.

Автор отмечает прямую зависимость социальных представлений от личности и обратную зависимость личности от социальных представлений.

Интересное наблюдение было сделано известным польским психологом Я. Рейковским в период резких социальных изменений во время «перестройки», начавшейся в Польше задолго до российской. В своем исследовании он отметил противоречивый характер и неравномерность в изменении представлений о меняющейся обвальными темпами социальной действительности.

Консервативность представлений служит сохранению психического здоровья нации и конкретного человека. В этом смысле все периоды революций являются большим испытанием для психической стабильности – на уровне личности и на уровне общества в целом. Одновременно подобные периоды (свидетелями и участниками одного из которых стали и мы) являются естественной «лабораторией» для изучения внутренних причин изменения социальных представлений.

Мысленная картина мира, интерпретация явлений социальной действительности, идеалы и ценности – все проходит жесткую проверку, испытание (иногда кажется, что в России такие испытания происходят чаще, чем в других странах).

Наблюдения С. Л. Рубинштейна об особенностях изменения осознания нравственных норм и законов в «переломные» эпохи были сделаны после революции и года «великого перелома», т. е. коллективизации, а, точнее, разрушения прочного и веками отлаженного крестьянского быта. Закрепленные традиционным укладом, но слабо осознаваемые самим человеком нормы нравственного поведения для того, чтобы устоять в таких условиях, должны быть приняты (или отвергнуты) сознательно.

Речь идет о книге «Человек и мир». В этой работе С. Л. Рубинштейн пишет о том, что появление человека является событием космического масштаба, – оно преобразует всю вселенную. Человеку дана способность *сознания* — осознания мира, себя в мире и всего существующего в видимом мире. «Поскольку есть человек, он становится ни чем иным, как объективно существующей отправной точкой всей системы координат. Такой отправной точкой человеческое бытие становится в силу человеческой активности, в силу возможности изменения бытия, чем человеческое существование отличается от всякого другого... Вселенная с появлением человека – это осознанная, осмысленная Вселенная, которая изменяется действиями в ней человека»¹¹. В этой связи решающую роль играет «мировоззрение, собственный духовный облик человека»: «Так знание, добро, красота выступают не отчужденными от человека и тем самым друг от друга, поскольку осуществляется преодоление штучности, лоскутности, изолированности гносеологии, этики, эстетики», а правда и добро выступают «как отношения людей, определенные в их понятийном содержании»¹². Масштабы конкретного человека в данный момент своего развития различны в зависимости оттого, насколько он в состоянии вместить, отразить в своем бытии окружающий мир в богатстве связей и отношений. Но главное состоит в утверждении: человеческое существо как таковое призвано вместить в себя всех и вся. Об этом, как пишет Рубинштейн, поведали миру поэты и вообще искусство. Человек – это «существо, осознающее мир, часть, охватывающая целое, зеркало Вселенной». Своими действиями он включается в бытие, преобразуя, «взрывая» его. И в то же время человеческое существо причастно бесконечности мира, постигая эти свои свойства в деятельности *созерцания*. «Человек – конечное существо – включается в мир, в его бесконечное бытие как: 1) бытие, преобразующее реальность, и 2) как переходящее в форму идеального существования. Процесс осознания бытия есть переход бытия вне человека в идеальную форму сущности субъ-

¹¹ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: «Педагогика», 1973, с. 330.

¹² Там же, с. 331.

екта <...> Конечное человеческое бытие выступает как «очаг», из которого исходят «взрывные реакции», распространяющиеся на все бытие»¹³.

Ожидая грядущую революцию в России, писатель Максим Горький думал об образах тех героев, на примере которых новое поколение будет учиться жизни. Горький готовил серию книг «Жизнь замечательных людей». В его письме к известному французскому писателю-романтику Ромену Роллану, датированном 1916 годом, упомянут среди других и вождь еврейского народа Моисей («вождь» в первоначальном смысле слова – как тот, кто ведет свой народ – через пустыню в «землю обетованную»). Ромен Роллан ответил в январе уже следующего, 1917 года. Согласившись участвовать в замысле Горького, французский писатель более всего протестовал против включения в серию «Жизни Моисея»: «Некоторые из великих имен, на которых Вы остановились, смущают меня, когда я думаю о детских душах. Вы предлагаете им опасные примеры – такие как Моисей. <...> Сознаюсь, что я несколько отошел от взгляда на великих людей прошлого, как на пример, которому следует подражать...»¹⁴. На что Горький вынужден оправдываться: «Но я беру Моисея исключительно как социального реформатора, и книга тоже должна рассматривать его с этой стороны. Я подумал было о Жанне д'Арк. Но боюсь, как бы этот сюжет не заставил нас говорить о “мистической душе народа” и о других вещах, которые мне непонятны и которые очень вредны для нас, русских»¹⁵. В эти дни больших надежд и ожиданий, связанных с грядущей революцией, было не до «непонятных и вредных для русских» вещей. Письмо сопровождает приписка, сделанная Горьким уже в Женеве и датированная июлем 1917-го года: «События, происшедшие в России, задержали это письмо. Поздравим друг друга; <...> русский народ вступил в брачный союз со свободой, и я надеюсь, что этот союз даст жизнь многим великим душам, которые прославят человечество»¹⁶.

Есть настоятельная потребность обратиться к живым свидетельствам того времени, других переломных эпох, чтобы увидеть, как происходит *процесс* рождения и проверки иллюзий, укоренения идеала, осознание в нем того главного, чему стоит посвятить всю жизнь без остатка.

¹³ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: «Педагогика», 1973, с. 344

¹⁴ Роллан, Р. Собр. соч. В 14 т. Т. 14. С. 373

¹⁵ Там же, с. 374.

¹⁶ Там же, с. 375.

Глава I

Свидетели Российской истории

Понять многие события, происходившие в «переломную» – послеоктябрьскую эпоху, помогают опубликованные воспоминания, дневниковые записи, большое богатство которых оставлено нам самими участниками событий: что-то увидело свет в советской России, многое опубликовано у нас только в последние десять – пятнадцать лет. В них огромный человеческий поток первой русской эмиграции смог поведать нам о своих переживаниях и осознании прошедшего спустя несколько десятилетий после великого «исхода» русских людей («русских» – в широком значении слова) со своей Родины.

Поток этот и связанные с ним документы и материалы интересны тем, что здесь можно искать глубинные причины сохранения «русскости», т. е. идентификации себя как русского, в условиях инородного окружения. Китай, острова Индонезии, Австралия, обе Америки и вся старая Европа стали прибежищем русской эмиграции. Советская Россия в это время отгородилась от остального мира почти непроницаемой стеной, «железным занавесом». И все-таки что-то позволяло русским по обе стороны границы оставаться одним народом. Причина – в сохранении самого главного и существенного в нравственном идеале нации.

Нам известно множество честных, ярких и умных работ о нравственном идеале у русских, опубликованных либо до революции, либо за рубежом. Есть россыпи осторожных, подцензурных, но изящных и внимательных к человеку работ советских исследователей о нравственном развитии (увы, чаще использовалось слово «формирование», так и не прижившееся в школе С. А. Рубинштейна). Необходимо эти потоки сопоставить, чтобы найти не различия (они очевидны), а сходство. Именно сходство позволит приблизиться к главному в представлениях русских о нравственном идеале. И тем самым – к основной задаче этой книги. Для решения ее необходим выбор точных ориентиров, позволяющих действительно заметить самое существенное. При этом нужно обращение к имени (именам), соединяющему людей. Для русской культуры таким именем вот уже в течение более полутора веков является имя Пушкина. А если о величайшем поэте России говорит другой гений – Достоевский, то к этим словам, сказанным в последней четверти XIX века, стоит внимательно прислушаться. Они-то и станут для нас отправной точкой всего исследования.

Речь Достоевского о Пушкине

Слово о Пушкине было произнесено Ф. М. Достоевским 8 июня 1880 года на заседании Общества любителей российской словесности и опубликовано затем в одном из выпусков «Дневника писателя». Ввиду важности мыслей, развиваемых в речи «Пушкин», писатель предвзывает ее публикацию специальным «Объяснительным словом»¹⁷. Здесь он еще раз останавливается на главных четырех утверждениях, на которых «Речь» построена.

В первом утверждении говорится об отрыве интеллигентного общества от русского народа и о том, что Пушкин «своим глубоко прозорливым и гениальным умом и чисто русским сердцем своим» не только отыскал, но и преодолел в своем творчестве. Проблема этой послепетровской разделенности единого народа на «народ» и «благородных» (интеллигентных, знатных и т. п.) ныне далеко отстоит от нас, но многое объясняет во внутренних причинах исхода русских. Те, кто уехали из России, через трудности и большие лишения внутренне проходили путь к основам духовной культуры своего народа. А пока, в XIX веке оторванность от народа (от своей «почвы», как говорит Достоевский) приводит к появлению людей онегинского типа, впервые замеченного и описанного Пушкиным.

И сразу же следом «Дневник писателя» говорит о положительном нравственном идеале, выведенном Пушкиным. «Он первый (именно первый, а до него никто) дал нам художественные типы красоты русской, вышедшей прямо из духа русского, обретавшиеся в народной правде, в почве нашей, и им в ней отысканные»¹⁸. Это образы инока в «Борисе Годунове», «типы бытовые» «Капитанской дочки» и Татьяна Ларина, о которой Достоевский говорит искренне и проникновенно.

Третье утверждение касается «способности всемирной отзывчивости», характерной вообще для русских, и особенно ярко выраженной пушкинским гением. «Не в отзывчивости одной тут дело, а именно в изумляющей полноте перевоплощения»¹⁹.

Ту же мысль писатель развивает в четвертом утверждении, выделяя самое главное и существенное в нравственном идеале народа русского: «Я именно напеваю в моей речи, что не пытаюсь равнять русский народ с народами западными в сферах их экономической славы или научной. Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способный, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь *нравственная* черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что ее нет в народе русском?»²⁰. Луже в самой «Речи» та же мысль выражена еще более определенно и ярко: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всецеловеком*, если хотите»²¹.

Итак, в этих «четыре пункта», повествующих о значении Пушкина, точно обозначены и нравственный идеал, и «пародия» на него (догадка Татьяны об Онегине). Отметим, прежде всего, что идеал – это всегда *лицо, образ* – человек, имеющий имя и внешние черты, совершающий *поступки*. Герои, созданные поэтом, для многих поколений становятся реальными и живыми *образами* поведения. Именно в таком виде они занимают свое место в представле-

¹⁷ Далее страницы приводятся по изданию: Достоевский Ф.М. «Дневник писателя за 1880 г.»; в кн.: «Русская идея: сборник произведений русских мыслителей», М.: «Айрис-пресс», 2002.

¹⁸ Там же, с. 163.

¹⁹ Там же, с. 164.

²⁰ Там же, с. 165–166.

²¹ Там же, с. 187.

ниях людей. Онегин, Ленский и Татьяна для многих поколений не менее реальны, чем некоторые исторические деятели. В представления эти герои включаются уже вместе со своими отношениями к другим действующим лицам. И тогда возможным становится то, что и век спустя пушкинская Татьяна потрясает юного читателя простонародным своим ответом:

Но я другому отдана
И буду век ему верна.

О Татьяне Достоевский пишет: «Это тип положительной красоты, это апофеоза русской женщины...»²². В самой же «Речи» писатель говорит:

«Она высказывает правду поэмы. О, я ни слова не скажу про ее религиозные убеждения, про взгляд на таинство брака – нет, этого я не коснусь. Но что же: потому ли она отказалась идти за ним, несмотря на то, что сама же сказала ему: “Я вас люблю”, потому ли, что она “как русская женщина” (а не южная или французская какая-нибудь), не способна на смелый шаг, не в силах порвать свои путы, не в силах пожертвовать обаянием почестей, богатства, светского своего значения, условиями добродетели? Нет, русская женщина смела. Русская женщина смело пойдет за тем, во что поверит, и она доказала это. Но она “другому отдана и будет век ему верна”»²³.

И далее Достоевский развивает ту, наверное, главную для него идею о том, что счастье нельзя построить ценой несчастья другого, если платой за счастье станут позор и бесчестье «старика» («Евгений Онегин»), если за счастье «всего человечества» нужно пожертвовать страданиями и жизнью «всего лишь» одного младенца («Братья Карамазовы» и др.).

«Счастье не в одних только наслаждениях любви, а в высшей гармонии духа. Чем успокоить дух, если назади стоит несчастный, безжалостный, бесчеловечный поступок? <...> Позвольте, представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой. И вот, представьте себе тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человеческое существо <...> Согласитесь ли вы быть архитектором такого здания на этом условии? Вот вопрос»²⁴.

Речь о Пушкине, произнесенная Достоевским, потрясла современников. Это видно и по дискуссии, особенно когда умный и язвительный К. Н. Леонтьев хочет ослабить впечатление, но не может этого сделать.

Два русских гения, разделенные по времени жизни почти полувеком, – Пушкин и Достоевский, «встретились» в эпоху начавшихся цареубийств и почти неотвратимого приближения грядущей революции и смогли сформулировать продуманную до конца мысль, особенно важную для русских людей с их «всемирной отзывчивостью», внутренней готовностью воспринять идею о построении счастья «для всего человечества» и, обладая способностью перевоплощаться, воплотить ее жизнью своею. К тому же «Речь» показывает два глубоких российских раскола: народа с интеллигенцией и женской души с ее мужской «половиной».

Прислушаемся опять к Достоевскому:

«Я вот как думаю: если бы Татьяна даже стала свободною, если б умер ее старый муж, и она овдовела, то и тогда бы она не пошла за Онегиным.

²² Достоевский Ф.М. «Дневник писателя за 1880 г.», с. 177.

²³ Там же, с. 179.

²⁴ Там же, с. 179–180.

Надобно же понимать всю суть этого характера. Ведь она же видит, кто он такой: вечный скиталец увидал вдруг женщину, которой прежде пренебрег, в новой, блестящей недостижимой обстановке, – да ведь в этой обстановке-то, пожалуй, и вся суть дела. <...> Вот мой идеал, восклицает он, вот мое спасение, вот исход тоски моей, я проглядел его, а счастье было так возможно, так близко!» <...> Да разве этого не видит Татьяна, да разве она не разглядела его уже давно? <...> Она знает, что он принимает ее за что-то другое, а не за то, что она есть, что не ее даже он и любит, что, может быть, он и никого не любит, да и не способен даже кого-нибудь любить...»²⁵.

У Достоевского (особенно в «Дневнике писателя») есть очень тонкие и честные наблюдения о том, как легко любить «дальнего», «человечество» и т. п., но как *смертельно трудно* любить просто человека, «ближнего». Любить – значит воспринимать его страдания как свои, но этому противится природный эгоизм и просто чувство самосохранения. Имеющие опыт *такой* любви не будут подсчитывать, сколькими жизнями и страданиями можно заплатить за всеобщее счастье или справедливость.

Достоевский предчувствовал русскую революцию и предостерегал от нее. Как если и женщина русская увлечется идеей пустой и убийственной?

Читая автобиографические повести С. В. Ковалевской, можно наблюдать, как происходит этот процесс и как даже очень умная и одаренная женщина оказывается беззащитной. Идеи невидимы. Невозможно поставить заслон, чтобы не допустить их в богатый генеральский дом, в котором растут две сестры: старшая, красавица и одаренный литератор, и младшая – в будущем первая в России женщина – профессор математики Софья Ковалевская. Достоевский был знаком с сестрами и даже сватался к старшей – Анне, рассказывая позднее своей невесте об этом так:

«Анна Васильевна – одна из лучших женщин, встреченных мною в жизни. Она чрезвычайно умна, развита, литературно образована, и у нее прекрасное доброе сердце. Это девушка высоких нравственных качеств; но ее убеждения диаметрально противоположны моим, и уступить их она не может, слишком уж она прямолинейна. Навряд ли поэтому наш брак мог бы быть счастливым. Я вернул ей данное слово и от всей души желаю, чтобы она встретила человека одних с ней идей и была бы с ним счастлива»²⁶.

История сестер (рассказанная младшей, Софьей) напоминает еще об одном *переломном* моменте в судьбах России и ее граждан – крестьянской реформе 1861 года. Последствия реформы для помещиков можно сравнить с последствиями первоапрельского финансового обвала 1991-го, когда граждане России в течение нескольких дней вернулись за порог бедности. Сейчас давние события позапрошлого века забыты, но реально богатые помещики были разорены. В воспоминаниях Софьи Ковалевской об этом говорится так:

«В ранней своей молодости сестра моя была очень хороша собой: высоконогая, стройная, с прекрасным цветом лица и массою белокурых волос, она могла называться почти писаной красавицей <...> Она часто приходила к отцу и со слезами на глазах упрекала его за то, что он ее держит в деревне. <...> Иногда он снисходил до объяснений и очень резонно доказывал ей, что в теперешнее трудное время это обязанность каждого помещика жить в своем

²⁵ Там же, с. 180–181.

²⁶ Достоевская А. Г. Воспоминания. Приводится по тексту примечаний к книге С. В. Ковалевской «Воспоминания. Повести». М.: Правда, 1986, с. 409–410.

поместье. Бросить теперь имение значило бы разорить семью. <...> После подобных разговоров она уходила к себе в комнату и горько плакала»²⁷.

Женихов и молодежного окружения не было. Их заменили книги, и буквально *внедрение* идеала («чуждого», как позднее заметил Достоевский) произошло при встрече с литературным героем – очень посредственным, но надрывно эмоциональным.

«В тот самый момент, когда она еще бессознательно начинала набивать себе оскомину от рыцарских романов, попался ей в руки удивительно экзальтированный роман «Гаральд»²⁸.

То, что написано в романе, полностью противоположно духу православия. Героиней является Эдит, невеста погибшего короля Гаральда, кажется, великого злодея. Эдит совершает какие-то невозможные подвиги, становится известной католической монахиней и перед смертью *требует* за свои подвиги прощения душе жениха, но, услышав от священника, что это *невозможно* («Король Гаральд проклят...»), мало того, что *отказывается* от спасения своей собственной души, так еще и *требует* у Бога явных знаков – доказательств: «Яви мне перед смертью знамение: когда мы прочтем «Отче наш», пусть загорится сама собой свеча...» – и прочее...

Текст настолько кощунственен, что только явный отрыв от родной почвы позволил девушке внутренне принять этот бред: «Из уст благочестивой Эдит вырвался вопль проклятия, и взор ее погас навеки»²⁹. Софья Ковалевская отмечает: «И вот этот-то роман совершил перелом во внутренней жизни моей сестры»³⁰.

Следом на подготовленной таким образом почве спокойно прижились идеи нигилизма, занесенные, как это обычно было для того времени, соседом-поповичем³¹. «Главный *prestige*³² молодого человека в глазах Анюты заключался в том, что он только что приехал из Петербурга и навез оттуда самых что ни на есть новейших идей», – пишет Ковалевская. Ею же сделано наблюдение, очень интересное:

«Можно сказать, что в этот промежуток времени, от начала 60-х до начала 70-х годов, все интеллигентные слои русского общества были заняты только одним вопросом: семейным разладом между старыми и молодыми. О какой дворянской семье не спросишь в то время, о всякой услышишь одно и то же: родители поссорились с детьми. И не из-за каких-нибудь вещественных, материальных причин возникали ссоры, а единственно из-за каких-нибудь вопросов чисто теоретических, абстрактного характера. “Не сошлись убеждениями!” – вот только и всего, но этого “только” вполне достаточно, чтобы заставить детей побросать родителей, а родителей отречься от детей. Дети, особенно девушками, овладела в то время словно эпидемия какая-то – убежать из родительского дома»³³.

Анна Васильевна уехала из России в 1869 году вместе с младшей сестрой Софьей и ее мужем. Во Франции она стала известной революционеркой Анной Жаклар, а после поражения

²⁷ Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М.: Правда, 1986, с. 83. Далее страницы приводятся по указанному изданию.

²⁸ Там же, с.86.

²⁹ Там же, с.88.

³⁰ Там же, с. 88.

³¹ Вспоминая историю своего нигилизма о. Сергей Булгаков, происходивший из семьи священника, замечает: «Думаю, что моя внешняя судьба здесь аналогична судьбам также семинаристов Добролюбова и Чернышевского». Булгаков С. Православие. М.: Фолио, 2001, с. 297.

³² Обаяние, престиж (фр.)

³³ Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М.: Правда, 1986, с. 93.

Парижской коммуны ей удалось с помощью родителей и супругов Ковалевских скрыться из Парижа. В примечаниях к воспоминаниям Ковалевской об Анне Жаклар сказано: «Она участвовала в работе Центрального Комитета Союза женщин, основанного Елизаветой Дмитриевой, последовательницей Маркса, посланной в Париж от Генерального Совета Интернационала»³⁴.

Идея «Интернационала» – явная подмена «русской идеи», впервые названной так Достоевским (в объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 год). В «Речи» русская идея сформулирована со всею искренностью и определенностью:

«И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловеческой и всеобъединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону. <...> Что же, разве я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина»³⁵.

Идея «Интернационала» – «фантазия» людей, оторванных от родной почвы, от народа, к которому они принадлежат. И то, как происходит пленение деструктивной и убийственной в прямом смысле слова мыслью, показано самим Достоевским с анатомической точностью в романе «Преступление и наказание». В ранней молодости своей Достоевский сам переболел идеями социализма. И дело не только в том, что это увлечение едва не стоило ему жизни. Он смог изнутри понять ошибочность идеи построения «счастья» для всех «дальних», невзирая на «неизбежные жертвы». В самом резком виде он описал это в романе «Бесы», после революции почти не издаваемом.

По мысли А. В. Брушлинского (и всей школы С. Л. Рубинштейна), именно *психическое как процесс* является предметом психологии. Для выявления процесса в *живом мышлении* им был разработан *микросемантический анализ*, к которому мы еще не раз будем здесь возвращаться. Этот вид качественного анализа основан на выявлении общей направленности мысли с помощью вычленения в тексте (письменном или устной речи) моментов *переформулирования* высказываний. При этом сама речевая ситуация понимается в терминах решения мыслительной задачи, где есть условия, требование и вопросы, которые зачастую еще нужно сформулировать.

Применение анализа, первоначально разработанного в исследованиях *мышления*, для изучения *социальных представлений* следует специально обговорить.

Хотя социальные представления – это общепринятые убеждения, поддерживаемые большинством идеи и ценности, помогающие объяснить мир³⁶, формируются они на уровне конкретных личностей (последнее обстоятельство и позволяет К. А. Абульхановой говорить о *личностных* представлениях). В работах о социальных представлениях иногда используется калька с английского слова – *репрезентации*. В Большом англо-русском словаре в качестве одного из значений слова representation дается пояснение – *понятие; представление; (мыслен-*

³⁴ Там же, с. 404.

³⁵ Русская идея..., с. 188.

³⁶ См. Майерс Д. «Социальная психология», СПб.: Питер, 1997, с. 679–680.

ный) образ³⁷. В Толковом словаре русского языка *представление* объясняется через слова *знание, понимание чего-либо*³⁸. В. Даль в качестве одного из значений слова *понятие* употребляет в качестве синонима слова *представление* и *мысль*: «...мысль, представление, идея; что сложилось в уме и осталось в памяти по уразумению, постижении чего либо»³⁹.

Зафиксированная в словарях связь *мысли* и *представлений* (пока что – любых, не только социальных) позволяет обратиться к анализу зарождения, принятия какой-либо мысли человеком.

Хотя исторически термин *социальные представления* образовался от понятия *коллективные представления*, введенного Э. Дюркгеймом в *социологию* и обозначающего чувства и идеи, которые выражают единство и сплоченность *социальной группы*, для того, чтобы быть принятой (или отвергнутой) группой, мысль первоначально должна быть принята отдельным человеком.

С этими предварительными замечаниями (предполагая в дальнейшем еще не раз вернуться к проблеме исследования социальных представлений) мы можем перейти к микроанализу действия законов принятия (и пленения) мыслью на уровне конкретного человека.

Такую возможность дает нам обращение к роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

³⁷ Новый Большой англо-русский словарь под ред. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. М.: Русский язык, 1993–1994.

³⁸ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999.

³⁹ Даль В. Словарь живого великорусского языка. Т. 3.

Преступление и наказание

«Преступление и наказание» является одной из первых попыток автора разобраться в том, как же происходит захват человека ложной идеей. Доверяя гению Достоевского, мы обращаемся к этому его роману как к истории заболевания и постепенного, очень трудного и мучительного исцеления героя.

Родион Раскольников по природе своей умен, красив, способен на добрые и бескорыстные поступки. Однако читатель знакомится с ним в тот момент, когда мысль об убийстве уже начинает подчинять его себе. Раскольников ненавидит эту мысль, но сам не в силах избавиться от нее, хотя пока ему представляется, что он свободен и лишь «играет» в идею убийства как решения всех своих проблем. Идя на первую «пробу» к будущей жертве, он разговаривает сам с собою: «Ну зачем я теперь иду? Разве я способен на *это*? Разве *это* серьезно? Совсем не серьезно. Так, ради фантазии сам себя тешу; игрушки! Да, пожалуй, что и игрушки!»⁴⁰. Автор говорит о том, что еще месяц назад герой «не верил этим мечтам своим и только раздражал себя их безобразною, но соблазнительною дерзостью». Теперь же «он уже начинал смотреть иначе» и, «как-то поневоле» привык считать «безобразную мечту» уже совершенным делом, «хотя все еще сам себе не верил»⁴¹.

Обстоятельства жизни Родиона Раскольникова были затруднительны. Они действительно требовали решения. Бедность, невозможность продолжать учебу в университете, необходимость помогать сестре и матери (или хотя бы материально не затруднять их) – все это объективные «условия» житейской задачи, с которой столкнулся молодой человек. Убийство «злой и жадной старухи» (с которой по жизненным обстоятельствам Раскольников не был связан) не могло быть «единственным» решением проблемы. Более того, уже совершив преступление, он понял, насколько далеко отбросило его это от всех без исключения важнейших жизненных планов и целей. Так что, действительно, «игрушки», «мечта», то есть обман. Как же обману удалось завладеть его умом, более того, подчинить этот неординарный, хорошо развитый ум себе и заставить (буквально насильно, парализовав волю человека) воплотить «мечту» в жизнь?

Произведение это обладает достоверностью биографического свидетельства. Внутренняя канва его – суд над «социалистической» идеей, уже стоившей автору дороги сначала на эшафот, а затем на каторгу. Достоевский домысливает до конца идею о возможности одним людям (в романе это Раскольников) взять на себя право исправить социальное неравенство за счет жизни других людей. В более поздних произведениях (особенно в «Бесах») эта идея оформится пророчески четко и коснется уже основ социалистического движения (будущей революции). В «Преступлении и наказании» герой еще одинок в своем противостоянии «всему остальному миру».

Одиночество не позволяет ему поделиться с кем-либо завладевающей им большой идеей. Первая «исповедь» Сонечке Мармеладовой является поворотным моментом к будущему, еще не скорому возрождению души героя. Но происходит это уже после совершения преступления, можно сказать, почти умершим человеком («это я не старуху убил, я себя убил...»).

Какие ступени этой лестницы, ведущей вниз – к воплощению в жизнь самоубийственного решения, можно обнаружить?

Первой ступенью оказалось теоретическое допущение возможности перешагивать через нравственный закон совести. Допущение было оформлено Раскольниковым в виде журнальной

⁴⁰ Здесь и далее номера страниц приводятся по изданию: Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1970, с. 24.

⁴¹ Там же, с.5.

статьи, написанной за полгода до совершения преступления. Сам он так объясняет идею статьи «раскопавшему» ее следователю Порфирию:

«Я просто-запросто намекнул, что “необыкновенный” человек имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует»⁴².

Добавления про то, что это правило не обязательно для исполнения, а также рассуждения о благе «всего человечества» ничего не меняют. Допущение, что кто-то избранный будет прав, перешагнув закон совести, переворачивает нравственные координаты.

Сделав нравственный закон «психологической переменной», Раскольников теряет иммунитет к тем мыслям, идеям, разговорам, которые всегда окружают человека: «Странная мысль наклеивалась у него в голове, как из яйца цыпленок, и очень, очень занимала его»⁴³. Случайно услышанный в трактире разговор сыграл роль «подсказки» и помог этому «цыпленку» оформиться в идею, с которой Раскольников начинает мысленно играть.

В святоотеческой традиции (с которой хорошо был знаком Достоевский) существует веками отточенный навык обращения с мыслями (помыслами). У преподобного Нила Сорского, жившего в XV–XVI веках, так написано о пути, каким мысли овладевают человеком:

«Святые отцы учат, что мысленная брань или борьба, сопровождаемая победой или поражением, происходит в нас различно: сперва возникает представление помысла или предмета – прилог; потом принятие его – сочетание; далее согласие с ним – сложение; за ним порабощение от него – пленение; и, наконец, – страсть»⁴⁴.

Все эти стадии Родион Раскольников, «подготовленный» своими теоретическими допущениями и не владеющий приемами «мысленной брани» (битвы, сражения), проходит, фактически, в течение одного случайно подслушанного разговора! Речь за соседним столиком идет о старухе процентщице:

«...с одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет. <...> С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги. <...> Одна смерть и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика!»⁴⁵.

Пока услышанная мысль – лишь *прилог*. Преподобный Нил Сорский говорит, что прилог – это какая-либо мысль, пришедшая человеку на ум: «И как таковой, прилог называют безгрешным, не заслуживающим ни похвалы, ни осуждения, потому что он не зависит от нас...»⁴⁶.

Однако услышанное повторяет во многом аргументацию самого Раскольникова. Он заинтересованно вслушивается в разговор, вступая в *сочетание* с мыслью (об убийстве старухи). Преподобный Нил Сорский пишет:

«Сочетанием святые Отцы называют собеседование с пришедшим помыслом, т. е. как бы тайное от нас слово к явившемуся помыслу, по страсти

⁴² Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. С. 199.

⁴³ Там же, с.50.

⁴⁴ Преп. Нил Сорский. Устав скитской жизни. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991, с. 17.

⁴⁵ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. С. 50.

⁴⁶ Преп. Нил Сорский. Устав скитской жизни. С. 17.

или бесстрастно; иначе, принятие приносимой от врага мысли, удержание ее, согласие с ней, и произвольное допущение пребывать ей в нас»⁴⁷.

Преподобный говорит далее, что пока мысль еще не берет полную власть над человеком, и он еще в силах сопротивляться ей.

Как бы подтверждая слова преподобного (а, скорее всего, зная об этой древней мудрости), Достоевский тотчас приводит один из путей сопротивления помыслу: мысли больной и злой противопоставить мысль здоровую и остроумную. Соседи, продолжая разговор, так просто и естественно закрывают тему:

«– Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: убьешь ты сам старуху или нет?

– Разумеется, нет! Я для справедливости... Не во мне тут и дело...

– А, по-моему, коль ты сам не решаешься, так нет тут никакой справедливости!»⁴⁸.

Однако мысль, облеченная в слово и произнесенная, продолжает жить и производить свое разрушительное действие на других людей. Эти двое отбросили мысль как негодную, а Раскольников быстро проходит путь от сочетания с нею к *сложению*, а затем *пленению*.

Преподобный Нил Сорский пишет:

«Сложением святые отцы называют уже благосклонный от души прием помысла, в нее пришедшего, или предмета, ей представившегося. Это бывает, например, когда кто-либо порожденную врагом мысль или представленный от него предмет примет, вступит с ним в общение через мысленное разглагольствование и потом склонится или расположится в уме своем поступать так, как внушает вражий помысел»⁴⁹.

Именно это и произошло с героем Достоевского:

«Раскольников был в чрезвычайном волнении. Конечно, все это были самые обыкновенные и самые частые, не раз уже слышанные им, в других только формах и на другие темы, молодые разговоры и мысли. Но почему-то именно теперь пришлось ему выслушать именно такой разговор и такие мысли, когда в собственной голове его только что зародились... *такие же точно мысли?* И почему именно сейчас, как только он вынес зародыш своей мысли от старухи, как раз и попадает он на разговор о старухе?.. Станным всегда казалось ему это совпадение. Этот ничтожнейший трактирный разговор имел чрезвычайное на него влияние при дальнейшем развитии дела: как будто действительно было тут какое-то предопределение, указание...»⁵⁰.

Произошло *пленение* помыслом, которое вскоре обратилось в *страсть*.

Преподобный Нил Сорский так пишет о *пленении*: «Пленение есть невольное увлечение нашего сердца к нашедшему помыслу, или постоянное водворение его в себе – совокупление с ним, отчего повреждается наше доброе устройство». И далее: «Второй случай бывает тогда, когда ум, как бы бурю и волнами подъемлемый и отторженный от благого своего устройства к злым мыслям, уже не может придти в тихое и мирное состояние. Это обыкновенно происходит от рассеянности и от излишних бесполезных бесед»⁵¹.

⁴⁷ Там же, с. 18.

⁴⁸ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. С. 51.

⁴⁹ Преп. Нил Сорский. Устав скитской жизни. С. 17.

⁵⁰ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. С. 52.

⁵¹ Преп. Нил Сорский. Устав скитской жизни. С. 19.

Напомним начало приведенного текста Достоевского: «Раскольников был в чрезвычайном волнении...». О волнении (образ бушующего моря) преподобный Нил Сорский говорит как о явном показателе *пленения* ума. Человеку уже трудно сопротивляться мысли, которой он пленен, а в *страсти* он практически лишается воли самостоятельно освободиться от поработившего его помысла. Преподобный пишет:

«Страсть есть долговременное и обратившееся в привычку услаждение страстными помыслами, влагаемыми от врага, и утвердившееся от частого размышления, мечтания и собеседования с ними». Он говорит: «Так святые подвижники свидетельствуют нам, что все грехопадения человеческие совершаются не иначе, как с постепенностью»⁵².

Сказанное святыми отцами о подвижниках тем более верно относительно всех людей: именно внутренняя тишина и внутренняя напряженная работа («умное делание») позволили им обнаружить постепенность на пути падения человека от мысли – к преступлению. В обычной («шумной») жизни путь этот может быть краток, однако основные вехи его те же: прилог, сочетание, сложение, пленение и страсть.

Таковы и вехи на пути Раскольникова к преступлению, хотя читатель знакомится с героем в тот момент, когда страсть уже поработила его:

«Впрочем, эти вопросы были не новые, не внезапные, а старые, наболевшие, давнишние. Давно уже как они начали его терзать и истерзали ему сердце. Давным-давно как зародилась в нем вся эта теперешняя тоска, нарастала, накоплялась, а в последнее время созрела и концентрировалась, приняв форму ужасного, дикого и фантастического вопроса, который замучил его сердце и ум, неотразимо требуя разрешения. Теперь же письмо матери вдруг как громом в него ударило. Ясно, что теперь надо было не тосковать, не страдать пассивно, одними рассуждениями, о том, что вопросы неразрешимы, а непременно что-нибудь сделать, и сейчас же, и поскорее. <...> Вдруг он вздрогнул: одна, тоже вчерашняя, мысль опять пронеслась в его голове. Но вздрогнул он не оттого, что пронеслась эта мысль. Он знал, он *предчувствовал*, что она непременно «пронесется», и уже ждал ее; да и мысль эта была совсем не вчерашняя. Но разница была в том, что месяц назад, и даже вчера еще, она была только мечтой, а теперь... теперь явилась вдруг не мечтой, а в каком-то новом, грозном и совсем незнакомом ему виде, и он вдруг сам сознал это... Ему стукнуло в голову и потемнело в глазах»⁵³.

Эта не узнаваемая им самим мысль уже взяла власть над ним, и он не в силах ей сопротивляться. Решила дело уже самая малость: случайно услышанный разговор о том, что в такое-то время старуха останется дома одна:

«До его квартиры оставалось только несколько шагов. Он вошел к себе, как приговоренный к смерти. Ни о чем не рассуждал и совершенно не мог рассуждать; но всем существом своим вдруг почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли и что все вдруг решено окончательно»⁵⁴.

Происходящее далее больше всего напоминает своеобразный *антиинсайт*. Если во время инсайта («обычного», немгновенного – любого) максимально полно проявляется творческая свобода личности, преобразующая ее, расширяющая ее возможности, то здесь мы

⁵² Преп. Нил Сорский. Устав скитской жизни. С. 21 и 20.

⁵³ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. С. 36.

⁵⁴ Там же, с. 49.

можем наблюдать фантастическую хитрость, механически точную последовательность действий при полной потере собственной свободы:

«Он никогда не мог припомнить: думал ли он о чем-нибудь в это время? <...> Вдруг он ясно услышал, что бьют часы. Он вздрогнул, очнулся, приподнял голову, посмотрел в окно, сообразил время и вдруг вскочил, совершенно опомнившись, как будто кто его сорвал с дивана. <...> И необыкновенная лихорадочная и какая-то растерявшаяся суета охватила его вдруг, вместо сна и отупения. Приготовлений, впрочем, было немного. Он напрягал все усилия, чтобы все сообразить и ничего не забыть...».

И далее:

«Последний же день, как нечаянно наступивший и все разом порешивший, подействовал на него почти совсем механически: как будто его кто-то взял за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественной силой, без возражений. Точно он попал клочком одежды в колесо машины, и его начало в нее втягивать»⁵⁵.

Достоевский даже сравнивает состояние героя в момент перед совершением преступления с тем, которое бывает у осужденного:

«Так, верно, те, которых ведут на казнь, прилепливаются мыслию ко всем предметам, которые им встречаются на дороге», – мелькнуло у него в голове, но только мелькнуло, как молния; он сам поскорей погасил эту мысль...». И далее, уже за несколько мгновений до убийства, собственный ум словно перестает принадлежать ему: «Вспоминая об этом после, ярко, ясно, эта минута отчеканилась в нем навеки, он понять не мог, откуда он взял столько хитрости, тем более что ум его как бы померкал мгновениями, а тела своего он почти и не чувствовал на себе...»⁵⁶.

Однако этот разрушительный процесс почти полной потери себя – при сохранении способности точно и отлажено действовать – не является единственным в душе Родиона Раскольникова. Сначала слабо, едва заметно, затем все сильнее, а в конце романа – побеждающе звучит противоположная тема. Это тоже мысли, но мысли спасительные, причем герой сразу же чувствует их силу. В какой-то момент это мысль пойти к Разумихину⁵⁷ (тогда не осуществленная). Это также мгновения, когда к нему возвращалось ясное сознание всего ужаса задуманного: «ему вдруг стало дышать как бы легче. Он почувствовал, что уже сбросил с себя это страшное бремя, давившее его так долго, и на душе стало вдруг легко и мирно...»⁵⁸.

Два противоположных состояния – тяжести, душевного беспокойства, смущения, с одной стороны, и душевного мира, легкости, с другой, являются, согласно наблюдениям христианских подвижников, верными показателями ошибочности или, наоборот, правильности избранного пути. Такая духовная интуиция достигалась напряженным трудом («умным деланием») и вниманием к приходящим мыслям (помыслам). То есть существующий процесс развития мысли – от зарождения до воплощения в действии, поступке, имеет характер объективного закона. Самые существенные черты этого закона выявлены и обобщены в многовековой святоотеческой духовной традиции⁵⁹.

⁵⁵ Там же, с. 55.

⁵⁶ Там же, с. 59.

⁵⁷ Интересно значение фамилии: «Разумихин» происходит от слова «разум». Раскольников, словно потеряв контроль над своим умом, пытается повернуть на путь разума.

⁵⁸ Там же, с. 47.

⁵⁹ Говоря о перспективных задачах психологии («науки о душе»), Т. А. Флоренская в своих последних научных планах

Понимание мышления (и вообще психического) как живого процесса, имеющего имманентные законы саморазвития, наиболее близко соотносится с мыслью древних. Решение, каким бы внезапным оно не казалось (инсайт), имеет свою непрерывную (недизъюнктивную) историю зарождения, развития, реализации. То, что мы условно назвали здесь *антиинсайтом* — подчинение воли человека овладевшей им мыслью, превращающей его в отточенный и слаженный *механизм* исполнения убийственной идеи, — также имеет свою историю зарождения и развития, наиболее точно описанную в святоотеческой традиции. Исцеление от этого поражения ума и всей личности также происходит по законам развития психического процесса, преемственности и саморазвития.

Так было и у Раскольникова: это нереализованная вовремя мысль пойти к Разумихину (который и помог впоследствии решить проблемы героя, прежде всего, связанные с сестрой), это добрые его душевные порывы оказать помощь другим людям, им самим трудно объяснимые... Раскольников по природе своей был человек добрый, но временно *плененный* мыслью злой. История «наказания» — это история трудного освобождения героя от страшных последствий такого плена. Находясь в заключении (на каторге), он впервые обретает свободу внутреннюю.

записала: «Современная практическая психология своими корнями уходит в наследие раннехристианских подвижников, главным делом которых было духовное и нравственное совершенствование, борьба с грехами, пороками и страстями. Их наука о душе основывалась на внутреннем опыте, описание которого у разных авторов, при наличии индивидуального своеобразия, весьма сходно, что позволяет говорить об общих принципах и закономерностях этого душевного опыта. Это и составляет содержание православной науки о душе — психологии, одним из существенных разделов которой является учение о страстях, их зарождении в душе, предупреждении и борьбе с ними» (Флоренская Т. А. Диалоги о воспитании и здоровье: духовно-ориентированная психотерапия // «Духовно-нравственное воспитание», № 3, 2001, с. 5).

«Исход»

Предупреждение Достоевского осталось для русской интеллигенции («интеллигентщины», как переделывал это слово Сергей Булгаков) предупреждением, услышанным слишком поздно. Кто и как только не играл в революцию, пока «беспощадный русский бунт» (Пушкин) не обернулся *личным* страданием и напряженными размышлениями, оставшимися на страницах дневников, а также воспоминаний. В плане наших задач именно дневниковые записи дают особенно важный материал для анализа, поскольку в них зафиксированы моменты *развития* мысли. Воспоминания – это в любом случае литературная обработка, некоторый итог, подведенный на момент самих воспоминаний.

В записях Сергея Булгакова ясно видно такое различие. Ко времени начала революции Булгаков – профессор, юрист, философ. В 1918 году неожиданно для многих он принял священнический сан. В 1922 году Булгаков был выслан советским правительством из России наряду со многими известными философами-«идеалистами»: Ильиным, Бердяевым, Франком и другими.

Десять лет своей взрослой и сознательной жизни Булгаков был марксистом. Историю «выздоровления» можно проследить по его воспоминаниям. Другую историю – мучительные размышления о православии и католицизме – сохранили дневниковые записи, сделанные на корабле по пути в Константинополь (Стамбул) и в первый период трудных поисков средств существования на чужбине.

Ко времени революции у Булгакова, в отличие от большей части «интеллигентщины» уже не было иллюзий по поводу нового строя.

«Возвращаюсь к своим собственным судьбам в “интеллигентщине”. Я оказался ею отравлен через такое привитие этого яда, которому я бессилён был оказать противодействие. <...> Я находился в известном смысле в состоянии первоначальной невинности, святого варварства. Когда же столкнулся с ревизионным сомнением, которое порождалось во имя культуры и свободы, я оказался перед ним совершенно беззащитным, да и обнаженным. <...> Я оказался отрочески беспомощен перед неверием и в наивности мог считать (на фоне, конечно, и своего собственного отроческого самомнения), что оно есть единственно возможная и существующая форма мировоззрения для “умных” людей. Мне нечего было противопоставить и тем защититься от нигилизма»⁶⁰.

Эти десять лет нигилизма Сергей Булгаков называет «духовно обморочным состоянием». «Очевидно, мне предстояло изжить до дна всю пустоту интеллигентщины и нигилизма, со всей силой удариться об эту каменную стену, отчего почувствовалась наконец невыносимая боль»⁶¹. Он называет неверие нигилизма верой своего рода и замечает: «Человек есть вообще *верующее* существо, призванное к вере и к жизни по вере. Но не все сознают это с равной степенью ясности»⁶². На грани юности проявился душевный кризис, связанный с потерей веры, доводящий до мыслей о самоубийстве. «Мне шел 24-й год, но уже почти десять лет в душе моей подорвана была вера, и, после бурных кризисов и сомнений, в ней воцарилась религиозная пустота. Одновременно с умственным ростом и научным развитием душа неудержимо и незаметно погружалась в липкую тину самодовольства, самоуважения, пошлости»⁶³.

⁶⁰ Сергей Булгаков. Православие. М.: Фолио, 2001, с. 297.

⁶¹ Там же, с. 298.

⁶² Там же, с. 299.

⁶³ Там же, с. 301.

Помощь пришла от сильных эстетических переживаний красоты природы и художественных произведений. Попав в Дрезден и будучи еще марксистом, он, потрясенный, молился у Сикстинской Мадонны Рафаэля... В дневниковых записях, относящихся ко времени изгнания, Сергей Булгаков рассказывает, как он стремился вновь увидеть *Сикстину*, и как был разочарован этой встречей: он ясно увидел, что это *живопись*, а не икона. Но в ту первую встречу впечатление было ошеломляющим:

«Это не было эстетическое волнение, нет, то была *встреча*, новое знание, *чудо*... Я (тогда марксист) невольно называл это созерцание *молитвой* и всякое утро, стремясь попасть в Zwinger⁶⁴, пока никого еще там не было, бежал туда, пред лицо Мадонны, “молиться” и плакать...»⁶⁵.

Детская вера, память предков и родная российская земля помогли молодому профессору преодолеть ту пропасть, в которую загнал его нигилизм.

«Осень. Уединенная, затерянная в лесу пустынь. Солнечный день и родная северная природа. Смущение и бессилие по-прежнему владеют душой. И сюда приехал, воспользовавшись случаем, в тайной надежде встретиться с Богом. И здесь решимость моя окончательно меня оставила... Стоял вечерно бесчувственный и холодный, а после нее, когда начались молитвы “для готовящихся к исповеди”, я почти выбежал из церкви, “изшед вон, плакался горько”. В тоске шел, ничего не видя вокруг себя по направлению к гостинице и опомнился... в келье у старца»⁶⁶.

Старцы на Руси всегда были авторитетом в духовных вопросах и зачастую последней надеждой в сложной жизненной ситуации. «Меня туда привело: я пошел совсем в другом направлении вследствие своей всегдашней рассеянности, теперь еще усиленной благодаря подавленности, но, в действительности, – я знал это тогда достоверно, – со мной случилось чудо <...> Я вышел от него прощенный и примиренный, в трепете и слезах, чувствуя себя внесенным словно на крыльях внутрь церковной ограды...»⁶⁷

Период с 1917 по 1922 год Сергей Булгаков восстанавливает по памяти. Записи датированы мартом 1923 года, Царьград (Константинополь): «То важное, дивное и страшное, чему суждено было стать свидетелями и участниками людям нашего поколения, каждым испытано и пережито по-своему»⁶⁸.

Мы еще не раз вернемся к этому переломному периоду в русской истории, чтобы посмотреть на него глазами разных его участников – по дневниковым записям. Нас волнуют не экономические, военные либо какие-то другие процессы, а то, что происходило с *представлениями* о происходящих внешних изменениях на уровне личности. «Индивидуальность есть как бы окно, чрез которое зрится поток жизни, и личная судьба есть рамка, в которой она оформляется»⁶⁹.

Революция стала огромным испытанием для прочности *устоев*, т. е. представлений о нравственных нормах поведения. Стихийные процессы, вовлекающие огромные массы людей, оказывают естественное воздействие на индивидуальность. Ритм толпы стремится захватить и подчинить себе индивидуальные ритмы. Сопrotивляться этому напору трудно, почти невоз-

⁶⁴ Цвингер – название картинной галереи в Дрездене.

⁶⁵ Сергей Булгаков. Православие. М.: Фолио, 2001, с. 304.

⁶⁶ Сергей Булгаков. Православие. М.: Фолио, 2001, с. 306.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, с. 312.

⁶⁹ Там же, с. 312.

можно. Записи Сергея Булгакова, относящиеся к периоду первой русской революции, позволяют увидеть *процесс* подчинения и освобождения человека от власти толпы.

«В подготовке революции 1905 года участвовал и яг как деятель Союза Освобождения, и я *хотел* так, как хотела и хочет вся интеллигенция, с которой я чувствовал себя в разрыве в вопросах веры, но не политики. <...> И так шло до 17 октября 1905 года. Этот день я встретил с энтузиазмом почти обморочным, я сказал студентам совершенно безумную по экзальтации речь (из которой помню только первые слова: “века сходятся с веками”) и из аудитории Киевского Политехнического мы отправились на площадь (“освобождать заключенных борцов”). Все украсились красными лоскутками в петлицах, и я тогда надел на себя красную розетку, причем, делая это, я чувствовал, что совершаю какой-то мистический акт, принимаю род посвящения. На площади я почувствовал совершенно явственное влияние антихристового духа: речи ораторов, революционная наглость, которая бросилась прежде всего срывать гербы и флаги, – словом, что-то чужое, холодное и смертоносное так оледенило мое сердце, что, придя домой, я *бросил свою красную розетку в ватерклозет*. <...> Я постиг *мертвящую* сущность революции, по крайней мере русской, как воинствующего безбожия и нигилизма»⁷⁰.

Получив такую «прививку» от революции в России, понимая, прогнозируя ее разрушительный характер, Сергей Булгаков уже не мог быть захвачен революционными «вихрями» 1917 года, хотя и понимал глубину происходящих в стране процессов, предшествовавших революции: «Россия экономически росла стихийно и стремительно, духовно разлагаясь»⁷¹. Он сам отслеживает момент, когда обаяние толпы, празднующей февральскую революцию, на время захватило его, и как именно миг внутреннего *согласия* включает в толпу:

«Был момент малодушия, когда я захотел выдавить из себя радость, слиться с народом в его “свободе”. <...> Я шел по Остоженке в народном шествии в день парада и пьянил себя. Однако этого хватило на полчаса и ничего не вышло кроме омерзения. <...> А между тем кругом все сходило с ума от радости, и как я ни сторонился в эти страшные дни, но и мне приходилось попадать в круги профессионально радующихся»⁷².

Трудно ходить «мрачным Гамлетом» среди толпы, охваченной другими чувствами. Для сопротивления напору толпы нужна огромная внутренняя сила, коренящаяся в работе по *осознанию* происходящих процессов и в ясном понимании и искреннем принятии истинных ценностей, противоположных революции.

⁷⁰ Там же, с. 316–317.

⁷¹ Там же, с. 323.

⁷² Там же, с. 334.

Петербургские дневники

Излечение от романтики революции, которой интеллигенция в России была увлечена практически повсеместно, происходило, когда под удар попадали главные ценности личности. Для Зинаиды Гиппиус, жены Дмитрия Мережковского, известной в свое время поэтессы, этими ценностями оказались культура и вообще сама возможность поддержания и сохранения жизни. До революции самые блистательные российские умы с увлечением играли в идеи революционного преобразования общества⁷³. И вот дневниковая запись З. Гиппиус от 8 февраля 1918 г.:

⁷³ С. Булгаков писал: «В то время, около 1905 г., нам всем казалось, что мы-то именно призваны начать в России новое религиозно-революционное движение (позднее, когда это уже было брошено нами, это было подхвачено и опошлено декламацией Мережковского, который сделал своей теноровой специальностью ноту революция-магия). Это были своего рода «бесмысленные мечтания», которые и обличила жизнь». Там же, с. 320.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.